

ДОКТОР ВОРОВСКИХ НАУК

Валерий Тyseв

ЭКСМО

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Доктор воровских наук

«ЭКСМО»

2001

Гусев В. Б.

Доктор воровских наук / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2001 — (Дети Шерлока Холмса)

Не было бы счастья, да несчастье помогло: не сломалась бы у Диминого с Лешкой папы в пути машина, не пришлось бы всей семье задержаться возле старинного монастыря – не довелось бы ребятам в который уже раз пережить захватывающее приключение. И то сказать, разве усидишь на месте, когда рядом с древними стенами раздается странный гул, а затем внезапно вспыхивает ослепительный свет? Да и в деревне неподалеку творятся непонятные вещи: полакомишься яблочком – и засыпаешь как убитый. `Нет, мы ни за что не уедем отсюда, не разгадав всех этих тайн!` – говорят себе братья и решают немедленно отправиться в монастырь. И вот тут-то за тяжелой дубовой дверью...

© Гусев В. Б., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валерий Гусев

Доктор воровских наук

Глава I

ЛЕШАКИ С ВЕДЬМАКАМИ

Дядя Федор был классный водитель. И когда садился за руль, то сразу становился самым счастливым человеком на свете. Зато когда на дороге показывался пост ГАИ или машина ДПС (дорожно-патрульная служба), он сразу становился самым несчастным человеком. Он съеживался за рулем и поглядывал на дорогу через ветровое стекло, как испуганная птичка из гнездышка. Потому что у дяди Федора не было водительских прав. Вернее, они были, но такие старые, что даже фотография на них была чужая, какой-то женщины. Наверное, его мамы.

Вот и сейчас дядя Федор спрятался за приборной доской и прошептал нам с Алешкой:

– Отвлекайте их, отвлекайте...

Ага, отвлекайте! На прошлом посту Алешка отвлек – показал язык гаишнику. Тот сразу остановил нас и стал делать замечание. Пришлось папе показывать свое милицееское удостоверение. Это нас и спасло. Правда, на прощанье капитан сказал:

– Все-таки, товарищ полковник, детей надо воспитывать.

– Сегодня же вечером, – пообещал папа и так посмотрел на Алешку, что тот сразу нырнул под мамино крылышко. А мама сразу за него заступилась:

– Подумаешь... Язык показал. Ребенок должен развиваться свободно. Раскрепощенно. Расти как...

– Как крапива под забором, – перебил ее папа.

Ну тут у них пошел обычный педагогический спор. Мы, конечно, его слушать не стали и с интересом принялись разглядывать окрестности. А дядя Федор, повеселев, когда миновала опасность, стал радостно нас информировать:

– Не, ну вы чувствуете, друзья, что мы едем по земле древней Смоленщины. – И даже запел, как ворон на суку: – «И на старой Смоленской дороге повстречали незваных гостей...»

Лучше бы он не пел. Потому что накаркал. Впереди показались эти самые незваные гости. Дорожный патруль, остановивший для проверки громадную фуру, разукрашенную рекламами колы и пепси.

Дядя Федор тут же прикусил язык и нырнул под руль. Наверное, со стороны казалось, будто машина бежит по дороге сама по себе.

А внутри воцарилась настороженная тишина. Только мама с папой горячо продолжали свою дискуссию:

– И вообще! – говорила мама. – Ты за пятнадцать лет нашей совместной жизни ни разу посуду не помыл!

– За шестнадцать! – гордо уточнил папа. – Я каждый день по минутам помню. – Непонятно только было из его слов, чем он все-таки гордится? Тем, что ему такая хорошая жена досталась, или тем, что у нее такой хороший муж. Который за шестнадцать лет ни разу посуду не помыл.

Мама тоже задумалась, и поэтому, когда дядя Федор опять зашипел: «Отвлекайте их, отвлекайте!», она машинально высунула в окошко язык. У нее даже это лучше, чем у Алешки, получилось.

Но напрасно она старалась. Гаишники не обратили на нас никакого внимания. Они были заняты делом, проверяли остановленную фуру. Только один из них – такой маленький росто-

ком, что форма висела на нем, как драный пиджак на огородном пугале, – помахал нам полосатым жезлом, мол, проезжайте, проезжайте, товарищ водитель, не мешайте работать. Проверка, значит, на дороге.

Дядя Федор обрадовался, снова вырос над рулем и прибавил скорость. Я оглянулся и успел заметить, как водителя фуры и его напарника усаживают в милицкий «жигуленок» с мигалкой на крыше и синими буквами «ДПС-16» на борту. А за руль фуры садится коротышка Пугало.

Видно, что-то подозрительное углядели бдительные дорожные стражи. Знали бы мы заранее – что именно, наша жизнь в ближайшую неделю прошла бы намного спокойнее. Но скучнее...

А дядя Федор опять развеселился и продолжил прерванную лекцию:

– Не, ну вы, соседи, прониклись чувством, а? Мы едем по земле древней Смоленщины.

Мы изо всех сил глазели по сторонам, но никакой особой древности и Смоленщины не видели. Справа – леса, слева – поля, а среди них – деревеньки.

Дядя Федор уже приготовился снова запеть свою песню, но что-то остановило его. Он стал ерзать на сиденье, чмокать губами и кричать, будто подгонял уставшую лошадь.

А она не слушалась его и бежала все медленнее. И, наконец, вообще перешла на шаг. Даже спотыкаться начала.

Дядя Федор свернул с дороги возле указателя «Рыбхоз», на котором была нарисована золотая рыбка с павлиньим хвостом, и остановился среди травки, на лужайке, сбоку которой журчал в канаве ручеек. Он вышел из машины, поднял капот и покачал головой.

Дядя Федор был великий мастер по машинам. Вот эту он собрал на свалке и подарил ее нам после совместно пережитых приключений. Машина получилась отличная, похожая на ладный красный «Форд». Она здорово бегала, но иногда вдруг останавливалась. Тем не менее мы отважились поехать всей семьей на землю древней Смоленщины и отдохнуть у какого-то прекрасного лесного озера, где папа в дни своей молодости ловил великолепных окуней и щук.

До озера оставалось совсем немного...

– Придется здесь ночевать, Саньч, – сказал дядя Федор папе, потрогав перегревшийся двигатель. – Дальше она не поедет. Отдыхать ей пора. – И он нырнул под капот, пытаясь что-то там наладить.

Мы с Алешкой немного огорчились, нам хотелось поскорее добраться до озера, а мама обрадовалась.

– Это чудесно! – сказала она с восторгом. – Вы посмотрите – какая кругом прелесть!

Местность и вправду была красивая, вся из себя холмистая. По этим склонам, среди мшистых камней, сбегали вниз по зеленой траве березки на белых ножках. За ними высились хмурые елки. А сверху было синее-синее небо, и плыли в нем два прозрачных облачка. В общем, очень похоже на старый сказочный мультфильм про Древнюю Русь. Тем более что за елками высились какие-то живописные развалины вроде старинной крепости.

...Мы поставили палатку, перетащили в нее одеяла из машины, а папа установил газовую плитку и усадил маму готовить ужин.

– И зачем я с вами поехала? – вздохнула мама.

– А я тоже в отпуске, – напомнил папа и пошел помогать дяде Федору.

Мы с Алешкой переглянулись и улизнули осматривать окрестности. Невдалеке, тоже на холмике, стояла местная деревушка, вся заросшая садами и старыми ветлами – на виду торчали только скворечники, колодезные журавли и печные трубы. В деревне было тихо, лишь орали по очереди горластые петухи да иногда взирали собаки.

Мы шли по густой высокой траве, в которой как заводные стрекотали кузнечики, и чуть не наступили на живого человека.

Это был старый бородатый дед. Он лежал на подстеленной телогрейке и задумчиво смотрел в небо. Из его бороды и усов поднимался дым папиросы.

– Однако, завтра дождь будет, – пробормотал он, скосив на нас глаза.

– Кто сказал? – спросил Алешка.

– Дед Степа.

– А это кто такой? – Мы подумали – какой-то знатный метеоролог.

– А это я! – гордо ответил дед. – Вишь, как дым вьется? И комар зверует. Быть дождю. Мы присели рядом.

– Гуляете? – спросил дед.

– Отдыхаете? – спросили мы.

– С ней отдохнешь!

– С кем?

– Козочку пасу. Вон она, – дед привстал и показал в сторону небольшого продолговатого холмика. – По самой крыше бродит.

Холмик, когда мы присмотрелись, оказался каким-то заброшенным строением.

– Овощехранилище было, – охотно пояснил дед. Ему, видно, здорово хотелось поболтать, скучно весь день одному в траве валяться. – Вот она по нему и лазает. Коза – животное горное. Она у меня в сарае не спит, все норовит на крышу забраться. Бедовая...

– Как ее зовут? – зачем-то спросил Алешка.

– Васька, – загадочно ответил дед. – Ну, гуляйте, гуляйте. Тама, – он показал в одну сторону, – прудик есть. Скупаться можно. А тама, – махнул рукой в другую сторону, – на взгорочке земляника вызрела. Гуляйте... Токо к монастырю не ходите. – И показал на развалины.

– А почему туда нельзя? – спросил Алешка. – Интересно ведь...

– Плохое там место, – дед покачал головой. – Энтот монастырь с самого начала не удался. То его татары разорят, то еще кого лихоманка нанесет... Забросили его. Ну и, как надо быть, заселила его всякая нечисть, ведьмаки да лешаки. Черный монах ночами бродит, все что-то ищет. А самая беда – в войну там склад был. Его, конечное дело, прибрали, но чтой-то осталось, нет-нет – и рванет. Надысь тама один бродяга ночевать вздумал. Он здесь всякий боеприпас собирал и торговал им на рынке. Вона, видите, крайняя башня, с дыркой? Вот он там обосновался, костер разложил: как бахнуло – ни костра, ни бродяги. Одна дырка осталась.

– Убежал со страху? – спросил Алешка.

– Скорее – улетел, – ехидно уточнил дед. – Ну, гуляйте, гуляйте. А то дождь скоро.

Мы поднялись на «взгорочек» и набрали маме земляники. А «скупаться» не пошли. Потому что как-то быстро стемнело кругом. Два бывших облачка – мы и не заметили – соединились и разрослись в одну темно-синюю тучу. Она закрыла полнеба. И так плотно, что солнце сквозь нее не просвечивало, только окрашивало ее края в какой-то тревожный бордовый цвет.

Кругом торопливо заквакали лягушки. Заскрипела где-то в траве ночная птица. Стало как-то неуютно.

– Наколдовал дед, – сказал Алешка. – И коза у него странная – Васька! Пошли домой, Дим.

Мы спустились со «взгорочка» и направились к нашей стоянке. По дорожке, в сторону деревни, шустро семенил дед Степа. Коза Васька подталкивала его рогами в зад.

Совсем стемнело.

– Дим! – Алешка вдруг схватил меня за руку. – Смотри!

В дырке крайней башни вдруг мелькнул слабый огонек. И было в этом что-то жуткое.

Развалины монастыря на фоне черной тучи, которая иногда озарялась беззвучными молниями, выглядели зловеще. Впору было поверить деду, что там и в самом деле гнездятся лешаки с ведьмаками. А кто еще в такую погоду туда ползет?

В общем, мы здорово прибавили шагу. И мне почему-то почудилась сзади какая-то неведомая опасность. Будто кто-то таинственный и недобрый спешит за нами, чтобы за чем-то догнать...

С каким облегчением мы увидели свет в нашей палатке!

– Набегались? – спросил папа. Он устраивал в машине спальные места для себя и дяди Федора, часть которого все еще торчала из-под капота. – Что новенького?

– В монастыре, – сообщил Алешка, – нечистая сила завелась.

– Какая прелесть! – сказала мама, высунув голову из палатки. – Как романтично! «Преданья старины глубокой».

– Ага, – сказал Алешка, отдавая маме землянику, – преданья... Там шляется кто-то. С огоньками.

– Пацаны небось лазют, – высказался дядя Федор из-под капота. – Вроде вас.

Кто бы там ни лазил, подумалось мне, а уж я туда не полезу. Как грянет – одна дырка останется.

...Не знал я тогда, что в этом монастыре мы с Алешкой проведем далеко не самые лучшие и безопасные дни в своей жизни...

Ночью мне понадобилось выбраться из палатки. Алешка составил мне компанию. А когда мы уже собрались вернуться под одеяла, вдруг не совсем вдалеке послышался какой-то странный шум. Будто где-то что-то кто-то бормотал во сне. Такой большой и сердитый, вроде грубого людоеда-великана.

– Слышишь? – шепнул Алешка.

– Видишь? – шепнул я.

Развалины монастыря вдруг на короткое мгновение озарились каким-то странным сильным белым светом, который тут же погас. И тут же заглохло сердитое бормотание великана.

Будто он повернулся на другой бок.

Мы шмыгнули в палатку и нырнули под одеяла...

А утром дядя Федор вздохнул над двигателем, сдвинул набекрень свою ушастую шапку и грустно сказал:

– Придется нам здесь погостевать малость...

Глава II

ВЕСЕННЯЯ СЕЛЕДКА

После завтрака дядя Федор уехал на попутной машине в город, покупать какие-то запчасти для двигателя. А мы стали обустраиваться на житье. Мама, конечно, немного поворчала, но смирилась и сказала, что здесь нисколько не хуже, чем на озере, которого она никогда не видела, и рядом деревня, где можно купить молока и свежих яиц. Эта идея ей очень понравилась, и она стала собираться на промысел.

А мы с Алешкой все время с опаской поглядывали в сторону монастыря, на его разрушенные башни и полуразрушенные стены. Все-таки такое заколдованное соседство с лешаками и ведьмаками нас не очень радовало. Хотя полазить в развалинах и поискать в них чего-нибудь древненького, вроде ржавого меча или кривой сабли, было бы неплохо. Тем более что днем, при ярком солнце, монастырь вовсе не казался мрачным и угрожающим. Его скорее было жалко из-за заброшенных развалин, в которых когда-то кипела жизнь, а теперь водится всякая нечисть.

Лешка, видимо, подумал о том же, потому что спросил маму, которая сидела у палатки и старательно, глядя в зеркальце, разрисовывала себе лицо, будто не в деревню за молоком собиралась, а на фирменную дискотеку:

– Мам, а что такое монастырь?

Мама придирчиво рассмотрела свой автопортрет и, занятая творчеством, ответила:

– Ну... там люди живут и богу молятся.

– Если бы только это! – хмыкнув, высказался папа.

– А раз ты такой умный, – обиделась мама, – вот ты им и расскажи.

– Расскажу, – пообещал папа. – Только сначала тебе. Одну давнюю, но поучительную историю... Жил-был один маленький мальчик. Такой маленький, что еще не умел говорить...

– А звали его Сереженькой, – подначила мама, имея в виду, что папа рассказывает о себе.

– Неважно, как его звали. А важно то, что в один прекрасный весенний день мама поднесла его на ручках к окну и сказала: «Смотри, Сереженька, весна!» Сереженька глазками луп-луп и даже засмеялся, когда чихнул от яркого солнечного света...

– Какие милые подробности, – съехидничала мама и стала доводить до совершенства свои длинные ресницы.

– И вот прошло довольно много времени, – продолжил папа, – и Сережа, уже прекрасно болтавший на русском языке, забегает в комнату, полную гостей, видит на столе селедку, тычет в нее пальцем и восторженно вопит: «Весна! Весна!»

– Глупость какая! – почти рассердилась мама. А мы уже хихикали, понемногу догадываясь, где здесь собака зарыта.

– И вовсе не глупость, – объяснил папа. – Когда мама подносила Сережу к окну и ворковала: «Весна, весна», за окошком висела селедка в пакете.

– Так! – Мама сначала рассмеялась, а потом грозно блеснула красиво накрашенными глазами. – К чему это ты все рассказал?

– К тому, что, когда что-то объясняешь детям, нужно это делать так, чтобы потом не пришлось их переучивать. Чтобы они весну селедкой не называли.

– Ах, вот как! – Мама сердито подхватила бидончик для молока и сетку для яиц и пошла по тропинке в деревню.

– Осторожнее! – крикнул ей вслед Алешка. – Там коза Васька живет! Бодучая.

А папа присел у затухшего костра, закурил и стал рассказывать нам про монастыри. Обстоятельно и подробно. Чтобы потом нас не переучивать. Чтобы мы весну селедкой не обзывали.

Но рассказывал он очень скучно, одними фактами. Он только при маме красноречивый, а перед нами-то что стараться? И поэтому мы слушали очень невнимательно, а для вида с умными лицами кивали головами.

– ...Монастырь – это, ребята, государство в государстве, со своим уставом, со своими промыслами и заботами...

У меня уже голова устала кивать. А Лешка, похоже, дремал с открытыми умными глазами.

– ...Огромную роль выполняли монастыри в качестве оборонительных сооружений. Их и строили в виде крепостей, с башнями и крепкими неприступными стенами...

Алешка вдруг так кивнул, что чуть не врезался лбом в столик. Он вскинул голову и сказал с ясными глазами:

– Как интересно! А вон мама идет!

Но мама не шла. Она бежала. А за ней скакала коза Васька, волоча на веревке деда Степу.

– Тпру! Стой, оглашенная! – орал дед, семена за козой. – Тормози!

Мы бросились маме на помощь. Я подхватил бидончик, Алешка – сетку с яичками, а папа маму. И мы благополучно удрали от агрессора Васьки.

Коза с сожалением посмотрела нам вслед и повернулась к деду. Ну и началась другая погоня.

Мы вернулись к себе, отдышались.

– Ну и коза, – сказал папа. – Настоящий козел! Крутой!

Мама поправила растрепавшиеся волосы и объяснила:

– Мне дед рассказал. Когда эта коза была козленком, все думали, что это козлик, и называли его Васькой. А потом оказалось, что это козочка. И она уже привыкла к своему мужскому имени.

– И характер себе козлиный оставила, – сказал папа. И спросил, мне показалось, не столько с опасением, сколько с надеждой: – Она тебя не боднула?

– Не надейся! – сказала мама. – Я увернулась. Давайте молоко пить.

Молока в бидончике осталось всем по полкружки, а яиц и того меньше.

– Теперь вы будете за молоком ходить, – сказала нам мама. – Я этого... эту козу с козлиным именем видеть не могу. – Она немного подумала и добавила: – И вообще, у меня есть подозрение, что дед эту Ваську нарочно на меня натравил.

Тут с обратной попутной машиной вернулся дядя Федор, привез необходимые для ремонта запчасти. Выпил свои полкружки молока и полез под капот.

– Тебе помочь? – спросил его папа.

– Ага, – ответил дядя Федор. – Самая твоя главная помощь, Саныч, – не мешаться.

Папа обрадовался и вытащил из машины свои удочки.

– Кто со мной на пруд? – весело спросил он.

Алешка лицемерно вздохнул:

– Что ж, иди на рыбалку. А мы маме по хозяйству поможем. Кому-то ведь надо...

– Молодцы! – похвалил нас папа.

Как только он отошел подальше, Алешка тут же всунул голову в палатку, где мама наводила порядок, и сказал:

– Ма, мы с папой пойдем, а то он пруд не найдет. Ладно?

Мама ничего не ответила, только вздохнула.

И мы помчались к монастырю, который властно чем-то нас притягивал. Наверное, своими жуткими историческими тайнами. И всякой нечистой силой.

Монастырь оказался гораздо дальше, чем нам казалось. И чем ближе мы к нему подходили, тем выше, неприступнее и величественнее становились его грозные, местами почти развалившиеся стены.

Дорога к монастырю, на которую мы в конце концов выбрались, тоже была старая, засыпанная мелкой щебенкой, которая похрустывала под ногами и сквозь которую пробивалась всякая зеленая трава. Но мне показалось, что по этой дороге все-таки кто-то проезжал – кое-где трава была явно примята колесами.

Дорога привела нас к высокой башне с воротами. Самих ворот, конечно, не было, был только широкий проем, а по краям его сохранились мощные ржавые штыри, на которых когда-то висели тяжелые дубовые створки ворот, схваченные стальными полосами.

Задрав головы, мы постояли перед этой башней, делая вид, что с интересом ее разглядываем. Но это было верно только отчасти. Потому что мы никак не могли решиться пройти внутрь. Побайвались, прямо скажу.

По верху башни сохранилось несколько массивных зубцов. Среди них росли кудрявые березки, а на них беззаботно щебетали птицы. И это нас как-то успокоило. Раз уж птицы щебечут, значит, никакой опасности поблизости нет.

Мы вошли под своды башни, и сразу же наши шаги стали громкими и весомыми – так гулко здесь было. А в стенах, напротив друг друга, были пробиты две сводчатые двери, тоже с остатками петель. За дверьми полуразвалившиеся ступени вели наверх. Но туда мы пока не пошли. А вошли на широкий и пустой монастырский двор.

Он был весь покрыт обвалившимися старинными камнями, среди которых буйно раскустились громадные лопухи.

Здесь было тихо и как-то торжественно. Дорога от ворот вильнула куда-то в сторону и скрылась среди руин и лопухов.

Мы осмелели и стали бродить по двору, присматриваясь – не попадется ли на глаза какая-нибудь древняя реликвия.

Реликвии нам не попадались. Зато полным-полно было симпатичных ящериц. Они грелись на камнях и шустро скрывались в трещинах, как только мы подходили поближе.

Алешка так ни одной и не поймал. Зато из-за большого камня, заросшего зеленым мхом, вытащил какую-то странную картонку, в которой были прорезаны какие-то странные дырки, похожие на непонятные, небывалые буквы. Алешка повертел ее в руках и хотел было уже зафантилить куда-нибудь подальше, но случайно перевернул ее другой стороной, измазанной высохшей синей краской. И сразу же загадочные буквы стали совсем обычными: «ДПС-16». Где-то мы их совсем недавно видели.

– Чего это такое, Дим? – спросил Алешка. – Я думал, какая-то древность.

И я тут же вспомнил. Эти буквы и цифры мы видели на борту гаишного «жигуленка», когда проезжали мимо остановленной гаишниками для проверки фуры. ДПС – дорожно-патрульная служба.

– Это трафаретка, – объяснил я Алешке. – С ее помощью буквы наносят. Прикладывают, а прорези краской мажут. Понял?

– Понял, – сказал он задумчиво. – А как она сюда попала? Что, по-твоему, гаишники сюда загнали свою машину и здесь ее красили, этими буквами, да?

– Выходит, что так... Только зачем?

– А чтобы никто не видел, – сказал Алешка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.